Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право, 2019, №6, С. 6-28
https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-6-1
Опубликована: Сен. 12, 2019

Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации

Коньков Александр Евгеньевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет государственного управления, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, Москва, Российская Федерация. E-mail: KonkovAE@spa.msu.ru. ORCID: 0000-0002-6198-9962

Аннотация

Процесс развития цифровых технологий и их повсеместного проникновения в жизнь людей последовательно оказывает влияние на различные социальные процессы. В большей степени это влияние проявляется в настоящий момент в экономической сфере, где развитие цифровой экономики становится одним из ключевых приоритетов во всем мире. Также процессы цифровизации затрагивают образование, здравоохранение, право, начинают проникать и в политические отношения. В статье анализируются направления такого рода проникновения и механизмы трансформации политической сферы общества под их воздействием, обобщаются практики использования цифровых технологий в политическом дискурсе.

Ключевые слова: цифровизация, публичная политика, социальные сети, Интернет, государственное управление, цифровая бюрократия, электронное правительство, гражданское общество, цифровая демократия, цифровая дипломатия

Цифровые технологии для современного общества

Последовательное проникновение развивающихся технологий цифровизации в публичное пространство характеризуется множеством факторов, обуславливающих комплексное, но пока еще недостоверное влияние на систему социальных связей и отношений, существующих в каждом конкретном обществе. Недостоверность возникает в данном контексте в связи с сохраняющимся процессом накапливания опыта «стыкуемости» новых цифровых технологий и их значимых проявлений с реальными социальными практиками индивидов, групп и сообществ, не подкрепленного достаточным уровнем «критической массы» повторяющихся фактов.

Пока что в большей степени общественно-политическая рефлексия имеет дело, с одной стороны, с отдельными, нерегулярными и несистемными последствиями присутствия элементов цифрового «будущего» в регулярно обновляющих свои формальные элементы, но медленно трансформирующихся по своей сути традиционных общественных отношениях (например, создание онлайн-петиций и других голосов в поддержку чего-либо представляется более простым, удобным и прозрачным, чем сбор подписей под бумажным обращением, однако значимость и, следовательно, эффективность первых для процесса принятия решений остается под вопросом[1]). С другой стороны, речь идет и о прогнозируемых с разной степенью определенности потенциальных проявлениях влияния соответствующих технологий на ткань социальной жизни, экстраполируемых на мир социально-физический из мира социально-виртуального, что, как правило, весьма условно (обвинения в российском влиянии на исход американских выборов 2016 г. посредством сетевых технологий, несмотря на значимые политические последствия, не нашли воплощения вне умозрительных вербальных конструктов - были не только не доказаны, но и не объяснены ни с процедурной, ни с политико-психологической точки зрения [Report on the Investigation 2019]).

Тем не менее процесс цифровизации происходит, затрагивает различные (если не все) сферы общественного взаимодействия,

1. Примером может послужить глобальная система сбора петиций www.change.org, которая не обладает публично значимым статусом

и, несмотря на активную незавершенность, не может не привлекать исследовательского интереса: те механизмы, которые уже получили свое распространение в политических и смежных практиках, обуславливают в свою очередь те, которые формируются в настоящий момент, а эти формирующиеся влияют на уже действующие и еще вчера казавшиеся новыми. Таким образом, проблема видится, с одной стороны, в упомянутой «стыкуемости» - в установлении алгоритмов воздействия технологических инструментов на общественные отношения, а с другой - в систематизации знаний о внедряющихся в общественно-политической жизни цифровых технологиях в таком виде, который обеспечит не только обобщение развивающихся практик, но и формирование представления о долгосрочном процессном и функциональном влиянии, которое они оказывают на политические отношения и которое позволит прогнозировать дальнейшую трансформацию механизмов взаимодействия в глобальном социуме.

Глобальные и национальные проекции цифровизации ствующего в атомах). По сути, это то, чем на протяжении веков занимались и продолжают заниматься наука, философия, искусство, - описание всеми имеющимися средствами того, что дается человеку в ощущениях, стремление зафиксировать некую осознанную данность. Цифровые технологии универсализируют прежнее разнообразие доступных средств (язык, аудиовизуальные инструменты и др.), а потому и позволяют конструировать параллельное реальному цифровое (виртуальное) пространство.

За прошедшие неполные четверть века объект исследования цифровизации в мировом обществознании значительно расширился. Можно выделять такие базовые направления работ, как изучение влияния технологий на возможности социального участия [Drexl 2016; Solove 2017], функциональные особенности приложения отдельных технологий в общественной динамике - в первую очередь, больших данных, а также искусственного интеллекта и других [Maireder 2017; Hudson 2019], проблемы безопасности и цифровой зависимости [Lyon 2017; Thatcher 2016].

Основатель Всемирного экономического форума Клаус Шваб, рассуждая о Четвертой промышленной революции, указывает на ее существенное отличие от предыдущей - компьютерной (цифровой) - в том, что теперь совокупности «компьютеров, программного обеспечения и сетей... настолько сложны и

интегрированы, что способны уже трансформировать общества и глобальную экономику» [Schwab 2016, p. 7]. То есть происходит выход технологии за пределы материи и проникновение в другие процессы - своего рода «смешение... и взаимодействие физического, цифрового и биологического пространств» [Schwab 2016, p. 8].

В научной литературе, в первую очередь в актуальном российском дискурсе, все чаще различают узкое и широкое определения цифровизации - обычно речь ведется о цифровой экономике [Юдина 2017]. Если первое - узкое - как раз, в соответствии с видением Негропонте, предполагает процесс перевода в цифровую форму специализированных данных - служебных, научных, финансовых и прочих, то второе - широкое определение - подразумевает синергетический «драйвер мирового общественного развития» [Халин, Чернова 2018, с. 47], формируемый за счет накапливания соответствующих изменений (снижение издержек, оптимизация и усложнение сетевого взаимодействия) и, как следствие, диалектической трансформации всех сопутствующих процессов.

Узкая трактовка цифровизации формирует отраслевую развилку для большого количества прикладных направлений исследования данного явления в различных сферах жизни: не только в экономике, но и образовании [Никулина, Стариченко 2018], праве [Талапина 2018], госуправлении [Косорукое 2019] и даже военном деле [Корякин 2019]. Широкая же трактовка открывает новые грани фундаментального познания меняющегося общества, в т. ч. его политического дискурса: «Идущие под флагом «цифровизации» перемены позволяют не только повысить эффективность деятельности по предоставлению услуг, но и трансформировать институциональный каркас публичной политики, направив его развитие в сторону справедливости и нового производства консенсуса» [Сморгунов 2018, с. 11].

Если останавливаться на современном политическом измерении цифровизации, то его актуальная специфика обусловлена не только (а возможно, и не столько) изменением формата самих политических отношений, сколько формированием нового качества социальных связей в целом, которое возникает по мере смещения баланса между традиционной прямой коммуникацией и виртуальной, опосредованной теми или иными построенными на цифровой переработке передаваемой информации технологиями и

программными продуктами. В процессе разрастания количества вовлекаемых пользователей в новые способы коммуникации происходит своего рода диалектический сдвиг социального взаимодействия в целом. Так же, как в свое время технологии дистанционной передачи голосовых данных и распространение телефонной связи позволили людям переговариваться на расстоянии, сегодня технологии мгновенной передачи других типов данных и распространение разного рода мессенджеров позволяют снижать интенсивность телефонных переговоров и уже наоборот последовательно отказываться от разговорной речи в коммуникации. Уже не редки организации, в которых коммуникация между сотрудниками (постановка задач, контроль, координация и даже совещания) происходит не в ходе «живых» собраний, конференц-коллов или по электронной почте, а посредством закрытых групп в соответствующих мессенджерах, где производится трансляция сообщений и обмен необходимой обратной связью.

Даже в менее формализованных сообществах (родительских комитетах в школах и детских садах, студенческих группах, среди жильцов многоквартирных домов, участников различных клубов и даже подчас членов одной семьи) все большее распространение получает не прямое общение, а виртуальное - посредством чатов в известных мобильных приложениях. Делиберация, обозначенная Ю. Хабермасом в качестве ориентира для развития демократии [Habermas 1992], т. е. формы именно публичной политики, сегодня активно развивается внутрь, последовательно «маргинализируясь» - дробясь на более мелкие дискурсы, но при этом и расширяя саму культуру перманентного обсуждения и обмена мнениями в сообществах любого типа и масштаба.

Возникающие «внешние эффекты» всеобщей доступности демократических процедур, обусловленной планомерным снижением транзакционных издержек (которое, в свою очередь, является экстерналией цифровых технологий - больших данных, блокчейна, искусственного интеллекта и т. д.)> несут в себе явные риски для функциональности соответствующей модели принятия решений. Классическая дилемма демократического выбора между эффективностью и полнотой вовлечения [Dahl 199 4] либо не разрешается (в случае отсутствия нулевой суммы), либо приводит, по замечанию Н. Талеба, к «диктатуре малых меньшинств» [Taleb 2018], оптимизирующей молчаливое

равнодушие пассивного большинства в качестве своего стейкхолдера.

Привлекательность пути наименьшего сопротивления имманентна парадигме прагматизма, сопряженного с поиском максимизирующей эффективность технологии, однако и в условиях второй крайности дилеммы демократии проявляются кризисные предпосылки. Растущая востребованность популистских идей в современных устоявшихся социумах, привыкших рационально конструировать свои стратегии, может рассматриваться в качестве соответствующего примера [Levy 2018].

Массовое вовлечение в политическую дискуссию посредством социальных сетей и других механизмов, часто также имеющих цифровую природу (онлайн голосования, электронные петиции и др.), стало источником трансформации не только для внутриполитических процессов, но и для изменений на глобальной арене. Во-первых, популисты, которые становятся лидерами общественного мнения в своих странах, сегодня все активнее проникают и в число участников глобальной повестки (как через победу на выборах, так и через негосударственных акторов) - международные общественные организации, сетевые связи, СМИ.

Во-вторых, перманентное апеллирование к формируемому за счет новых технологий отражению реальности способно подвести к замене традиционных форм верификации политических процессов. Например, январский прецедент 2019 г. перехода «галочек подтверждения» публичной личности в Инстаграм и Фейсбук от Н. Мадуро к Х. Гуайдо позволяет выдвигать гипотезу о зачатках нового типа легитимности - цифрового, который в перспективе может не только расширить известную веберовскую триаду, но и ре- ля тивировать феномен лидерства и зависимость от компромисса в публичной политике в целом.

Наконец, в-третьих, использование новых инструментов во внешнеполитической конкуренции позволяет крупным игрокам напрямую вести коммуникацию с гражданскими обществами других стран, минуя их легитимные правительства (технологии «твиттер-революций» и «твиттер-дипломатии»). В этом случае популизм перестает быть лишь одним из элементов общего глобального политического ландшафта, но и проявляет значимую функциональность в трансформирующейся под воздействием процессов цифровизации реальности -

обеспечивает своего рода «сцепление» между инертной в силу своих масштабов политической системой и эмоционально пластичным социумом, наращивающим свои инструментальные компетенции за счет все более доступных новых технологий. Все это в известной степени овеществляет, в числе прочего, развиваемые реалистами и неоконсерваторами представления об акторности в мировой политике и глобальном лидерстве [Kwet 2018].

При этом, скажем, рассматриваемая в соответствии с подходом Г. Киссинджера [Kissinger 2014] система американского миропорядка не столько банально укрепляется за счет технологического превосходства, сколько легитимирует политизацию лишь тех технологий, которые укладываются в логику интересов США. Отсюда, возможно, столь некритичное восприятие все того же дискурса о российском «вмешательстве» в американские выборы или, например, противостояния французского президента Макрона с каналом RT, хотя, например, с позиций традиционного подхода к безусловности свободы слова и автономии индивидуального выбора артикулируемые претензии не могли бы оставаться бесспорными.

Если спуститься на базовый уровень «социализации» цифровых технологий, то изменение качества общественных отношений под их воздействием можно наблюдать в совершенно разных сферах: образовании (дистанционное обучение и онлайн-курсы), здравоохранении (телемедицина), культуре (виртуальные музеи и театры). Однако в большей степени процесс качественной трансформации и «сращивания» технологической и социальной тканей наблюдается, вероятно, в экономической сфере: распространение интернет-торговли, онлайн-бан- кинга и даже электронного потребления (в виде, например, накапливания и использования бонусов и той или иной формы ликвидности в сетевых играх и проч.) постепенно не только дополняют, но в отдельных нишах и вытесняют традиционные хозяйственные связи, а построение цифровой экономики официально провозглашается приоритетом во многих странах мира.

Так, цифровизация экономики уже не первый год фигурирует в числе ключевых тем многих значимых международных организаций (620, АТЭС, БРИКС), «цементирует» программы важнейших экономических форумов (Всемирный экономический форум в Давосе, Петербургский международный экономический форум, Боа- оский азиатский форум и др.). В России запущена и

реализуется Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», призванная создать устойчивую и безопасную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступную для всех организаций и домохозяйств [Паспорт национальной программы 2019], т. е. ориентированная на формирование условий, в которых возможностями циф- ровизации будут пользоваться любые экономические субъекты.

Национальная программа, равно как и ряд других нормативных документов, принятых в последнее время («Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.», широко обсуждавшийся «пакет Яровой» - набор законов по антитеррористической профилактике в сети и т. д.)> формирование российской доменной зоны (.ru, .рф, .su и иные, управляемые российскими юрлицами[2]), а также периодически случающиеся конфликтные ситуации между властями и отдельными организациями, групповыми и индивидуальными субъектами в сетевом сообществе (блокирование сети LinkedIn на территории России, противостоя
ние с мессенджером Telegram, ответственность за репосты в социальных сетях) - все они могут рассматриваться в качестве примеров активного поиска Российским государством собственного национального видения политики цифровизации на территории страны и в изначально не предполагающем государственных границ сетевом (цифровом) пространстве.

Однако политику цифровизации (целенаправленные действия актора по оказанию регулятивного и иного воздействия на процесс реализации и развития цифровых технологий) имеет смысл отличать от цифровизации политики (напрямую не обусловленное действиями конкретного субъекта проникновение цифровых технологий в политические отношения). Если политика цифровизации (как и любая другая политика) предполагает субъектность и соответствующие особенности (процессуальные, функциональные, национальные), то сама по себе цифровизация являет собой феномен мира объективного, а потому происходит вне воли регулирующих акторов. Другое дело, что распространение такого явления на политику, как и экономику, социальную сферу, образование и здравоохранение все-таки сопряжено с выбором конкретных пользователей

2. Приказ Роскомнадзора от 29.07.2019 N 216: https://minjust.consultant.ru/documents/43834

соответствующих технологий, а потому редуцирование трансформации социальных отношений исключительно к логике технологического прогресса все же упрощает в известной мере действительность.

Выявление значимых, но не до конца явных перспектив цифровизации политических отношений требует дополнительного четкого рассмотрения успевшей сложиться ретроспективы проникновения релевантных технологий в ткань социальной жизни - соответствующих предпосылок и проявившихся специфических свойств.

Предпосылки цифровизации в политике

В уже отмеченном складывающемся узком понимании цифровизации как системы перевода информационных потоков (регулярных для той или иной деятельности итераций и бизнес-процессов) в цифровую (электронную, виртуальную) форму ее политическое измерение может быть рассмотрено как использование политическими акторами цифровых технологий для реализации своих функций. Этот процесс отличается линейностью и закономерностью: политическая система движется в русле развития совершенствующихся технологий и их проникновения в жизнь как больших общностей, так и рядовых обывателей.

Более операбельной отправной точкой в рассмотрении цифровизации политики может служить, как и в отношении цифровизации в целом, распространение интернета и превращение его в значимый источник информации, средство коммуникации и механизм социализации для современного человека [Туронок 2001]. Интернет - это очевидный «скелет» цифровизации, ее важная составляющая, однако, и это нужно особо подчеркнуть, не подменяющая и не редуцирующая саму цифровизацию как самостоятельный процесс внедрения соответствующих технических возможностей в социальную структуру, обладающую определенным качеством. Иными словами, цифровизация - это не только интернет, однако именно благодаря интернету цифровые технологии вошли в каждый дом и сегодня все активнее сопровождают деятельность любой социальной единицы. Вместе с тем промышленный интернет (как форма использования более известного сегодня «интернета вещей» - инструмента интеграции в единую сетевую систему

различных приборов и механизмов) относится к числу так называемых сквозных (базовых, определяющих) цифровых технологий, которые сегодня получают активную политическую поддержку в Российской Федерации в рамках реализации стратегических целей развития и упомянутой Национальной программы[3].

Таким образом, можно предположить, что цифровизация политики в своем нынешнем виде берет начало с включения политических акторов (государства и его институтов, партий, НКО и других структур публичного сектора) в число пользователей глобальной сети интернет - вначале, вероятно, в пассивном режиме (получение информации), позднее - в активном (разработка и запуск собственных сайтов, использование электронной почты). Последующий основной ход цифровизации социальной жизни базировался во многом на совершенствующихся компетенциях акторов в сфере интернет-технологий, дополненных на более поздних (рубеж 2010-х гг.) этапах технологиями массового проникновения мобильной связи.

Использование электронной почты, несмотря на то что для обывателя успело стать будничным, для государства, как и любого другого политического актора, относительно долго оставалось закрытым в силу обстоятельств безопасности такой связи. Конечно, для служебной переписки электронная почта могла использоваться в качестве частной инициативы отдельных сотрудников тех или ведомств с самого момента появления. Однако, во-первых, по факту такая переписка осуществлялась с использованием как официальных серверов, так и общедоступных (бесплатных) почтовых сервисов (последнее в современных условиях уже воспринимается как все более неприемлемое для служебной коммуникации). Во-вторых, в качестве публичного инструмента взаимодействия между гражданином и государством не могла функционировать до появления соответствующей нормативной базы.

С принятием в России в 2006 г. Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[4] электронные обращения стали рассматриваться в качестве одного из проявлений базового конституционного права

3. См. Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии» Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 28 мая 2019 г. N 9). 4 № 59-ФЗ от 02.05.2006

4. № 59-ФЗ от 02.05.2006.

обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления со всеми вытекающими юридически значимыми последствиями.

Можно выделить несколько форм электронных обращений в органы государственной власти, сохраняющих актуальность в эпоху цифровизации: собственно посредством электронной почты, а также через электронные приемные на сайтах, специализированные порталы и электронные терминалы [Савоськин 2016]. Механизм обращения в государственные органы посредством электронных возможностей открыл перспективы для автоматизации более сложных форм публичного взаимодействия, включая предоставление услуг и регулярно получаемую оперативную обратную связь.

Уязвимость электронной почты как канала коммуникации проявлялась неоднократно и не столько в период начала ее повсеместного использования, сколько уже в последние годы, когда обсуждение проблем кибербезопасности стало одним из ключевых направлений мировой политической повестки. Весьма показательным примером остается взлом и попадание в публичный доступ в 2015г. содержимого электронной переписки Хиллари Клинтон, которая в бытность госсекретарем США использовала личную электронную почту для служебной коммуникации. Последовавший крупный международный скандал отразился не только на понимании информационной безопасности вообще и государственной в частности, но и на значительной трансформации публичной политики в виде роста в демократических системах популистских и антиистеблишментных явлений, органично наращивающих массовую поддержку обывателей, ставших пользователями цифровых технологий [Schill, Hendricks 2018].

Наиболее простой и распространенной формой использования электронного сетевого пространства политическими акторами остается, как и на более ранних этапах, обеспечение присутствия в нем посредством собственных (официальных) сайтов (порталов). Вместе с тем с развитием альтернативных сетевых форматов коммуникации (соцсети, мобильные приложения) значимость сайтов меняется. С.В. Володенков отмечает: «В силу высокого уровня интерактивности информационных онлайн-площадок и горизонтальности коммуникации между пользователями и редакцией формируется более доверительное отношение к позициям различных сторон и

самим участникам дискуссий... в сравнении с традиционной моделью агитационно-пропагандистского воздействия, предполагающей сугубо вертикальное информирование представителей целевых аудиторий без формирования эффективного интерактивного канала обратной связи с ними» [В оподенков 2018, с. 18].

В России сайты органов государственной власти стали появляться уже в конце 1990-х гг. Сервер органов государственной власти Российской Федерации «Официальная Россия» www.gov.ru был создан (как сообщается на нем самом) 14 марта 1998 г. Поначалу создание сайтов ведомствами осуществлялось индивидуально и децентрализовано, исходя из собственных организационных задач. Только в 2009 г. был принят Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[5], который, с одной стороны, упорядочил этот процесс, а с другой, сделал наличие официального сайта и размещение на нем релевантной информации обязательным для всех органов государственной власти и местного самоуправления.

Гораздо оперативнее государственных институтов в электронное позиционирование включились другие политические акторы, в первую очередь партии. В 1998 г. практически все политические партии Нидерландов имели свои сайты, мало отставала от них в этом и Великобритания [Сморгун ов 2014, с. 22]. В России выход партий в интернет состоялся уже в начале 2000-х гг. Изначально партийные сайты выполняли три основные функции: информационную, мобилизационную и участия [Сморгунов 2014, с. 24]. Сегодня они трансформируются, уступая место более гибким коммуникационным механизмам - социальным сетям и электронным (мобильным) приложениям.

Сайты и электронная почта являются очевидными инструментами активного участия акторов в сетевом пространстве, однако рассматривать их в качестве элемента цифровизации, по крайней мере, политики, не вполне корректно: они позволяют осуществлять дистанционную передачу информации (то, чем соответствующие субъекты и так занимаются в своей деятельности - посредством СМИ или прямой почтовой рассылки), но не создают нового качества самих отношений. Политика характеризуется массовым характером коммуникации, и все оптимизирующие этот процесс

5. № 8-ФЗ от 09.02.2009.

инструменты лишь отражают соответствующие универсальные закономерности объекта исследования. Таким образом, сайты и электронная почта в контексте цифровизации представляют собой, скорее, предпосылки вовлечения в политические (социальные) отношения цифровых технологий, нежели их прямое приложение.

Примером меняющегося под воздействием цифровых технологий (цифровизации) качества отношений в условиях развития названных предпосылок может служить переход к услугам, предоставляемым государством в электронной (цифровой) форме, получившим общее название «электронное правительство» (e-government) [Сидорова 2019]. Спецификой этого типа публичного взаимодействия является делегирование (разной степени) принятия решения от компетентного субъекта к соответствующей цифровой системе - алгоритму, осуществляющему последовательность необходимых процедур без участия самого субъекта. Электронное правительство - важный аспект цифровой экономики, уравновешивающий ключевых хозяйствующих субъектов (финансовые институты, электронные торговые площадки, производители товаров и услуг) и государство.

Вместе с тем политическое значение электронного правительства проявляется в повышении открытости и прозрачности государства, его способности к децентрализации и обновлению, своевременности и гибкости реагирования на вновь возникающие запросы в обществе и вызовы во внешней среде [Павлютенкова 2013]. Ориентация на долгосрочное развитие электронного правительства предполагает известную дихотомию трансформации функционала государства: либо демонополизация и делегирование, либо совершенствование управленческих навыков субъекта - причем не только технократических, но и, собственно, технических, связанных с более искусным и адресным контролем над возможными сбоями в работе алгоритмов. Таким образом, соответствующие процессы способствуют воспроизводству «двуядерной», как ее называет А.И. Соловьев, структуры государственного управления, сочетающей механизмы представительства общественных интересов с дальнейшим движением к «формированию «второго неофициального», параллельного государства» [Соловьев 2019, с. 13].

Специфика цифровой среды для политического дискурсалиберации и артикулирования политических интересов

и предпочтений (форумы, чаты, блоги, мессенджеры, социальные сети), а с другой - особые свойства цифровой среды как нового пространства общественно-политических отношений, которые позволяют вариативно и плюрально одновременно воспроизводить реальные (существующие, действующие, объективные) и конструировать виртуальные (заданные, идеальные, нормативные) социальные связи. К таким особым свойствам цифровой среды можно отнести, в частности, анонимность, вненормативность и нелинейность, которые не позволяют в полной мере рассматривать соответствующие новые форматы массового социального взаимодействия в качестве однородных развивающих коммуникационное поле политики и находящихся в ряду подобных (СМИ, PR-продукция) механизмов.

Анонимность предполагает, во-первых, нетождественность заявляемого субъектом идентифицирующего признака (имени пользователя) его личности, а также неуникальность субъекта как такового (один и тот же пользователь может иметь разные учетные записи, равно как и разные пользователи могут присваивать себе известное имя). В качестве идентифицирующих признаков могут выступать как формальные имена, так и разного рода псевдонимы (никнейм, aka - «also known as»), аватары (изображения), профили в социальных сетях.

В большинстве случаев выбор идентифицирующего признака, равно как и способа представленности в виртуальном пространстве, остается за самим пользователем. Тем не менее в определенных случаях разработчики соответствующих систем предусматривают механизмы для предотвращения анонимности пользователя (например, в системе российского электронного правительства www.gosuslugi.ru таковым выступает номер СНИЛС - страховой номер индивидуального лицевого счета пенсионного страхования, а в других системах чаще всего используется номер мобильного телефона). Однако выработать универсальный инструмент, гарантирующий соотнесение сетевого профиля с конкретной и уникальной личностью, пока не удается (у одного и того же человека может быть разное количество номеров мобильных телефонов, а идентифицирующие документы могут иметь дубликаты или быть не оформлены должным образом).

Одним из эффектов сетевой анонимности является практика появления искусственно создаваемых акторов цифровой среды (ботов, роботов и др.), являющихся результатом соответствующего компьютерного программирования, которые в

зависимости от заложенного в них алгоритма демонстрируют способность к диалогу (вербальному взаимодействию) и, следовательно, самостоятельному артикулированию нарративов, которые могут иметь политическое значение [Соловей 2018]. С.В. Володенков вводит особое понятие киберсимулякра как «искусственно сконструированной псевдоличности, симулирующей существование реального интернет-пользователя в офлайновом пространстве» [Володенков 2015, с. 36]. Такого рода явления усложняют не только цифровое пространство, но и общественные отношения в целом, где помимо реальных субъектов на равных с ними претендуют взаимодействовать акторы принципиально нового характера.

Боты представляют собой продукт и все более осязаемый для пользователя пример искусственного интеллекта, который наряду с другими (включая упомянутые выше промышленный интернет и распределенный реестр (блокчейн)) относится к числу «сквозных» цифровых технологий, поддерживаемых государством. Кроме того, боты, благодаря своим коммуникативным «навыкам», могут рассматриваться и в качестве инструментов конструирования социальной реальности в новых условиях. Одно из социологических агентств даже провело эксперимент по анкетированию наиболее известных (в большей степени используемых на коммерческих платформах и соответствующим образом брендированных) чат-ботов, в числе которых «Алиса» (Яндекс), «Олег» (Тинькофф Банк), Siri (Apple) и ряд других, чем обозначает модальность их изучения не только в технологическом, но и в смыслолингвистическом плане [О чем говорят роботы 2019].

Вненормативность цифровой среды означает отсутствие единой юрисдикции (единого центра принятия решений или единого центра принуждения) и каких-либо устойчивых и распространяющихся на весь круг пользователей общих обязательств. Применяя классическую терминологию договорной парадигмы общественных отношений, в цифровом пространстве сохраняется гоббсовское состояние «войны всех против всех», и действие общественного договора на него не представляется безусловным. Основными примерами могут служить вредоносные программы (вирусы), являющиеся результатом деятельности конкретных акторов (пользователей), а также хакерство - сознательный взлом компьютерных программ (в т. ч. электронной почты, сайтов, профилей в социальных сетях) и злоупотребление полученным доступом к

информационным системам. Косвенным проявлением вненормативности в сетевом пространстве является и так называемый троллинг - сознательное провоцирование пользователей на конфликтные ситуации, возбуждение в виртуальном пространстве ненависти и вражды [Donath 2014].

Возникающие чувства и эмоции носят уже отнюдь не виртуальный характер и могут переноситься на отношения в реальной жизни, что является частным проявлением более широкой проблемы распространения экстремизма в сети [Самохина, Гутова 2016].

Наконец, нелинейность как свойство новой среды взаимодействия отражает саму сетевую природу цифрового пространства: множество разных элементов, обладающих субъективными свойствами, вступающих в отношения друг с другом и преследующих различные цели и интересы. Специфика нелинейности применительно к цифровому дискурсу заключается в отсутствии временных, пространственных и любых других обусловленных физическими обстоятельствами ограничений: значимые явления могут иметь место постоянно, повсеместно и в любом количестве. Примерами могут служить твиты или другие сообщения в социальных сетях от имени известных персоналий, включая лиц, принимающих решения, которые приводят к динамике рыночной конъюнктуры либо политическим изменениям [Рябченко, Малышева, Гнедаш 2019], равно как и последствия распространения, наоборот, не соответствующих действительности сведений (в т. ч. приписываемых лицам, принимающим решения, политическим акторам), воспринимаемых в качестве истинных (феномены постправды [Чугров 2017] и фейк-ньюс [Алейников, Милецкий, Пименов, Стребков 2019]). Другим ярко выраженным в современных условиях примером нелинейности является распространение мемов [Шомова 2018], в т. ч. разного рода «вирусной» информации (картинки, видео, тесты и опросы), оперативно задающих (далеко не всегда с известной степенью целесообразности) шаблоны восприятия тех или иных явлений актуальной социальной жизни [Ежов 2019].

Направления цифровизации политических отношений

Развитие сетевых форм делиберации и артикулирования интересов в публичной политике трансформирует стратегии

акторов в политическом пространстве. Больше внимания уделяется взаимодействию именно с использованием сетевых инструментов - политики и политические институты перенимают из бизнес-среды практики SMM (social media marketing - маркетинг в социальных сетях), привлекая специалистов и реализуя соответствующие проекты. Таким образом осуществляются задачи по таргетингу, продвижению необходимой информации, повышению узнаваемости бренда, мобилизация электората, налаживанию обратной связи [Володе нков 2019]. В первую очередь это относится к политическим партиям [Чижов 2016], однако все более характерно становится и для других участников политической системы - общественных объединений и некоммерческих организаций, GR-структур и, конечно, институтов государства [Сорокина, Селентьева, Сурина, Черкасова 2018].

В качестве примера можно отметить продолжающийся рост присутствия российских политических партий в Инстаграм - популярной социальной сети, оперирующей обменом визуальными образами (фотографиями и видеозаписями) и принадлежащей компании-владельцу другой крупной социальной сети Facebook. Если в 2016 г. только семь российских партий имели свои аккаунты в Инстаграм, а среди парламентских - лишь три («Единая Россия», КПРФ и «Справедливая Россия») [Лайки, репосты, шэры 2016], то в 2019 г. там представлены уже десять партий, включая все парламентские (добавилась ЛДПР). При этом три года назад свыше 10 тыс. подписчиков было только у «Единой России»[6], а к 2019 г. по этому показателю к ней присоединились и две непарламентские партии - «Яблоко»[7] и «Гражданская платформа»[8]. Присутствие в остальных социальных сетях (Facebook, Twitter, ВКонтакте, YouTube и т. д.) уже неоднократно демонстрировало свою значимость и вполне уже может рассматриваться в качестве непременного атрибута участия акторов в публичной политике [Танцура, Гриценко, Прокопчук 2018].

Использование сетевых механизмов, таким образом, становится ключевым фактором политической конкуренции, при этом, несмотря на возможные национальные особенности тех или иных политических систем, вовлечение электронных

6. https://www.instagram.com/er_novosti/
7. https://www.instagram.com/yabloko_party/
8. https://www.instagram.com/civilplatform/

ресурсов для взаимодействия с аудиторией становится свойством универсальным [Борисов 2017]. С другой стороны, и сама аудитория, т. е. общество в лице отдельных индивидов и различных групп, также формирует свои стратегии под влиянием сетевых нарративов, что особенно ярко проявляется в протестном поведении [Кольцова, Киркиж 2016]. Политические акторы все более совершенствуют свои компетенции в агрегировании социальных интересов посредством соответствующих механизмов.

Перенос конкурентного взаимодействия в сетевое пространство происходит не только на макрополитическом уровне в борьбе за публичную власть, но и на уровне мегаполитики - во внешней среде, между субъектами глобального управления и международных отношений. В контексте усложнения и интенсификации геополитического противостояния мировых держав, а также вхождения в этот процесс различных негосударственных акторов сформировалась новая модальность международного взаимодействия, которая протекает в глобальном информационном пространстве и в зависимости от степени конфронтационности конкурентных интересов может принимать формы как информационной войны, так и публичной дипломатии. В рамках последней в текущих условиях активно выделяется цифровая дипломатия как самостоятельное направление по использованию электронносетевых технологий для решения внешнеполитических задач [Сурма 2015].

Специфика такого рода политизации цифрового пространства заключается в значительном масштабировании субъект-объектных связей и взаимном наложении политических дискурсов (акторы национальных политических систем - государство, партии, институты гражданского общества - включаются со своим коммуникационным инструментарием во взаимодействие глобальных акторов: государств, их объединений, транснациональных корпораций, международных общественных движений). С одной стороны, у цифровой дипломатии есть очевидные задачи по продвижению внешнеполитических интересов, с другой - она глобализирует политическую цифровизацию и тем самым влияет на внутренние процессы в различных политических системах. Как указывают Н.В. Цветкова и Г.О. Ярыгин, «... государства, которые используют данный инструмент в своей дипломатической практике, не скрывают его характера: например, правительство

США неоднократно заявляло, что цифровая дипломатия создана для установления диалога между Вашингтоном и оппозиционными группами в зарубежных странах» [Цветкова, Ярыгин 2016, с. 119].

В условиях последовательной виртуализации многих ключевых факторов политического участия (идентичности - в противовес национальной и территориальной [Володенков 2015], легитимности - когда социальные сети включаются в политическое противостояние, как в ходе Арабской весны или протестов в Венесуэле и др.) цифровая дипломатия становится важным инструментом обеспечения не только внешнеполитических интересов государства, но и воспроизводства суверенитета и целостности социума, его субъектности во все более глобализирующемся мире.

В России цифровая дипломатия в последние годы также получила широкое распространение. Так, у МИД России есть свои аккаунты во всех ключевых социальных сетях и коммуникационных платформах (Facebook, Instagram, ВКонтакте, Twitter, Телеграм, YouTube и др.)[9]. В некоторых из них (в первую очередь в Facebook и Twitter) есть отдельные страницы 115 российских посольств и 57 генеральных консульств и консульских отделов, 12 представительств при международных организациях. Также свои официальные аккаунты есть у некоторых дипломатов и подразделений МИД России. Наконец, используется и собственное разработанное МИД России мобильное приложение «Зарубежный помощник»[10]. Все эти ресурсы могут рассматриваться не только в контексте следования России в общемировом дипломатическом тренде, но и как внешний контур наращивания более широких компетенций Российского государства в цифровой сфере, включающих уже упоминавшиеся нормативные и программные документы в сфере регулирования цифрового пространства и цифровой экономики, предоставляемые в рамках «электронного правительства» государственные услуги, повышение эффективности коммуникационного инструментария.

В целом же систематизация способов и методов использования цифровых технологий политическими акторами и государством как наиболее значимым среди них позволяет увидеть целый спектр направлений или граней, по которым можно наблюдать трансформацию соответствующих социальных отношений и

9. http://www.mid.ru/ru/press_service/social_accounts
10. http://www.mid.ru/web/guest/mobil-noe-prilozenie-mid-rossii-zarubeznyj-pomosnik-1

формирование дискурса цифровой политики. В контексте рассмотренных выше практик среди таких направлений можно обозначить цифровую демократию, цифровую бюрократию и цифровую дипломатию.

Цифровая демократия характеризует меняющееся качество публичной политики, в которой значимость идеализированных, виртуальных конструктов и образов усиливается уже не столько за счет производителей соответствующего контента (масс-медиа, PR-службы), сколько за счет сетевых платформ и алгоритмов, в рамках которых они могут воспроизводиться неограниченным кругом пользователей- акторов. Это направление цифровиза- ции политических отношений базируется на абсолютизации электронно-сетевых форм делиберации и всеобщей цифровой мобилизации, благодаря которым воспроизводимые в виртуальном пространстве конструкты политических связей между пользователями становятся первичными по отношению к их реальным прототипам. Иными словами, если на начальных этапах сетевые стратегии акторов формировались под воздействием, в числе прочего, их политических предпочтений, то теперь политическое поведение в реальной жизни становится уже отражением продуктов взаимодействия в цифровом пространстве.

Цифровая бюрократия, в свою очередь, возникает как закономерная стадия развития технократического управления в условиях цифровизации и подразумевает формирование универсальных алгоритмов взаимодействия между субъектом и объектом политикоуправленческой деятельности, развертываемых в рамках определенных программных решений. Последовательная и ценностно-нейтральная оптимизация функционала бюрократических институтов приводит к попыткам построения единых платформенных решений электронного правительства [Петров, Буров, Шклярук, Шаров 2018], за счет внедрения универсальных суперсервисов претендующего на подмену деятельности традиционных правительственных структур.

С одной стороны, цифровая бюрократия явным образом может способствовать радикальному снижению влияния известных «провалов» государства в экономике и общественном регулировании, проявляющихся в монополизме, медлительности, коррупции и др. Однако, с другой стороны, возникают новые риски, от которых возрастает зависимость системы: угрозы кибербезопасности, сохранности персональных данных и

государственной и коммерческой тайны. Но самое, вероятно, главное - зависимость от выбора того, кто контролирует данное платформенное решение - как политически (доступ к «кнопке»), так и технически (программирование и обслуживание). Тем самым информационная асимметрия как один из важнейших «провалов» государства может не только не ослабевать в условиях роста эффективности, но и усиливаться.

Цифровая дипломатия, как уже было отмечено, - внешний контур политической цифровизации, инструментарий воспроизводства субъектности в первую очередь национальных государств в цифровом пространстве, которое изначально имеет трансграничный характер и вненормативно по своей природе, а потому с трудом укладывается в экранируемые государственными границами социально-политические матрицы. Наряду с использованием электронно-сетевых коммуникационных технологий цифровая дипломатия отражает также изменение круга субъектов мировой политики: помимо государств и межгосударственных объединений возрастает роль негосударственных акторов, взаимодействие с которыми посредством цифровых технологий для традиционных участников этого уровня политических отношений представляет все большую значимость.

Выделение означенных граней рассмотрения политической цифровизации, во-первых, не ограничивает ими столь сложный и далекий от завершения процесс трансформации общественной жизни под воздействием всеобъемлющего внедрения новых технологий, а во-вторых, не изолирует сами грани и протекающие в соответствующей логике процессы друг от друга - скорее, наоборот, намечает основания для их пересечения и взаимопроникновения. Примерами последнего могут служить участие в голосовании через интернет, когда волеизъявление (цифровая демократия) легитимируется посредством санкционированного платформенного решения (цифровая бюрократия), или электронная виза, которая позволяет осуществлять международные контакты (цифровая дипломатия) в результате сервиса, предоставляемого онлайн (цифровая бюрократия).

С высокой долей вероятности появление и распространение на различные сферы общественной жизни новых цифровых технологий будет лишь нарастать, а потому проектировать некую «законченную» стадию цифровизации можно лишь с высокой долей условности. Тот темп перманентной трансформации,

который уже принят социумом какое-то время назад, этому проектированию навряд ли способствует. Скорее, он подавляет излишнюю нормативность, что, с одной стороны, продолжает актуализировать дефицит и одновременно ценность стабильности, но, с другой, стимулирует восприимчивость к новому: кто быстрее сумеет «социализировать» появляющиеся технологии, тот повышает собственные шансы на возникающую добавленную стоимость. В публичной политике такого рода тенденции быстрых, но краткосрочных эффектов коррелируют с феноменом популизма, который вновь стал активно воспроизводиться в демократических системах именно в последние годы. Непрерывное обновление повестки и инструментария ее продвижения, минимизирующее рефлексию о достигнутых или не достигнутых результатах из-за переключения внимания на новое целеполагание, - вероятно, в числе экстерналий непрерывного технологического (в т. ч. цифрового) развития: общество не успевает в полной мере овладеть новым навыком, который вскоре сменяется следующим. Как показывает российский опыт и опыт других стран, государство и иные акторы в таких условиях сохраняют достаточное пространство для маневра в удержании и упрочении контроля над политическим процессом.

Список литературы

1. Алейников А.В., Милецкий В.П., Пименов Н.П., Стребков А.И. (2019) Феномен «фейк-ньюс» и трансформация информационных стратегий в цифровом обществе // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. № 6. С. 1-7 // http://lamb.Viniti.ru/sid2/sid2free?sid2=J17811004, дата обращения 12.12.2019.

2. Борисов И.Б., Головин А.Г ., Игнатов А.В. (2017) Выборы в мире: агитация в сети Интернет. М.: Российский общественный институт избирательного права.

3. Володенков С.В. (2015) Интернеткоммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Проспект.

4. Володенков С.В. (2017) Total Data как феномен формирования политической постреальности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». № 3(15). С. 409-415. https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.409-415

5. Володенков С.В. (2018) Особенности интернета как современного пространства политических коммуникаций //

PolitBook. № 3. С. 6-21 // http://politbook.online/index.php/archiv/93-pb-2018-3, дата обращения 12.12.2019.

6. Ежов Д.А. (2019) Политическая семантика интернет-мема // Власть. № 3. С. 68-73. https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6405

7. Кольцова О.Ю., Киркиж Э.А. (2016) Влияние интернета на участие в протестах // Полития. № 1. С. 90-110. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-90-110

8. Корякин В.М. (2019) «Цифровизация» общественных отношений и ее влияние на состояние коррупции в военной организации государства // Военное право. №. 1. С. 217-228 // https://elibrary.ru/download/elibrary_36855652_45778024.pdf, дата обращения 12.12.2019.

9. Косоруков А.А. (2019) Публичная сфера и цифровое управление современным государством. М.: МАКС Пресс.

10. Лайки, репосты, шэры: как партии представлены в соцсетях (2016) // Life.ru. 5 августа 2016 // https://life.ru/t/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/886152/laiki_rieposty_shery_kak__partii_priedstavlieny_v_sotssietiakh, дата обращения 12.12.2019.

11. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. (2018) Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. № 8. С. 107-113 // http://journals.uspu.ru/attachments ar tic le/2133/14.pdf, дата обращения 12.12.201.

12. О чем говорят роботы? Первый социологический опрос чат-ботов (2019) // Центр социального проектирования «Платформа» // http://pltf.ru/2019/08/21/o-chem-govorjat-roboty/, дата обращения 12.12.2019.

13. Павлютенкова М.Ю. (2013) Электронное правительство в России: состояние и перспективы // Полис. № 1. С. 86-99 // https://www.politstudies.ru/article/4664, дата обращения 12.12.2019.

14. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (2019) // Правительство России. 11 февраля 2019 // http://government.ru/info/35568, дата обращения 12.12.2019.

15. Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. (2018) Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: Центр стратегических разработок // https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/GOSUDARSTVOKAK-PLATFORMA_internet.pdf, дата обращения 12.12.2019.

16. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. (2019) Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. № 2. С. 92-106. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07

17. Савоськин А.В. (2016) Способы подачи электронных обращений в России (проблемы правового регулирования и практики) // Информационное право. № 3. С. 12-16.

18. Самохина Н.Н., Гутова С.Г . (2016) Феномен идеологии экстремизма и терроризма в сети Интернет: проблемы и пути их решения // Общество: политика, экономика, право. № 10. С. 37-41 // http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/2016/10/politics/samokhina-gutova.pdf, дата обращения 12.12.2019.

19. Сидорова А. А. (2019) Электронное правительство. М.: Юрайт.

20. Сморгунов Л.В. (2014) Сетевые политические партии // Полис. № 4. С. 21- 37. https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.03

21. Сморгунов Л.В. (ред.) (2018) Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие. М.: Аспект Пресс.

22. Соловей В.Д. (2018) Особенности политической пропаганды в цифровой среде // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 1. С. 81-87. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-7-1-81-87

23. Соловьев А.И. (2019) Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. № 4. С. 8-25. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02

24. Сорокина Е.В., Селентьева Д.О., Сурина В.А., Черкасова Е.А. (2018) Применение smm-технологий при формировании имиджа органа государственной власти (на примере сообщества Министерства просвещения Российской федерации в социальной сети «Вконтакте») // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 12-1. С. 105-109. https://doi.org/10.24411/2500-1000-2018-10340

25. Сурма И.В. (2015) Цифровая дипломатия в мировой политике // Государственное управление. № 49. С. 220-249 // http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik item/49_2015surma.htm, дата обращения 12.12.2019.

26. Талапина Э.В. (2018) Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. №. 2(254). С. 5-17. https://doi.org/10.12737/art_2018_2_1

27. Танцура М.С., Гриценко Р .А., Прокопчук Д.Д. (2018) Сравнительный анализ использования интернет-технологий для политической агитации в России в избирательных циклах 2011 и

2016 гг. // Общество: политика, экономика, право № 1. С. 9-14. https://doi.org/1024158/pep.2018.1.1

28. Туронок С. (2001) Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность.. № 2. С. 51-63 // http://ecsocman.hse.ru/data/734/797/1216/006tURONOK.pdf, дата обращения 12.12.2019.

29. Халин В.Г ., Чернова Г .В. (2018) Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. № 10. С. 46-63. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63

30. Цветкова Н.А., Ярыгин Г .О. (2013) Политизация «Цифровой дипломатии»: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России в социальных сетях // Вестник СПбГУ . Серия 6. Политология. Международные отношения. № 1. С. 119-125 // https://cyberleninka.ru/article/n/politizatsiya-tsifrovoy-diplomatiipublichnaya-diplomatiya-germanii-iranassha-i-rossii-v-sotsialnyh-setyah/viewer, дата обращения 12.12.2019.

31. Чижов Д.В (2016) Формирование имиджа российских политических партий в сети Интернет // Мониторинг общественного мнения. № 1. С. 313-338. https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.15

32. Чугров С.В. (2017) Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. № 2. С. 42-59. https://doi.org/1017976/jpps/2017.02.04

33. Шомова С.А. (2018) Мемы как они есть. М.: Аспект Пресс.

34. Юдина Т.Н. (2017) Цифровизация как тенденция современного развития экономики Российской Федерации: pro et contra // Государственное и муниципальное управление (Ученые записки СКАГС). № 3. С. 139-143 // http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/2017/ 10/06/cifrovizaciya-kak-tendenciyasov re mennogo-razvitiya-ekonomiki-rossij skoj-federacii-pro-y-contra/, дата обращения 12.12.2019.

35. Dahl R. (1994) A Democratic Dilemma: System Effectiveness versus Citizen Participation // Political Science Quarterly, vol. 109, no 1, pp. 23-34. https://doi.org/102307/2151659

36. Donath J (2014) The Social Machine: Designs for Living Online, Cambridge: MIT Press.

37. Drexl J. (2017) Economic Efficiency versus Democracy: On the Potential Role of Competition Policy in Regulating Digital Markets in Times of Post-Truth Politics // Competition Policy: Between Equity and Efficiency (eds Gerard D , Lianos I), Cambridge: Cambridge University Press.

38. Habermas J. (1992) Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
39. Hudson V .M. (2019) Artificial Intelligence and International Politics, New York: Routledge.
40. Kissinger H. (2014) World Order, New York: Penguin Press.
41. Kwet M. (2019) Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South // Race & Class, vol. 60, no 4, pp. 3-26. https://doi.org/10.1177/0306396818823172
42. Levy F. (2018) Computers and Populism: Artificial Intelligence, Jobs, and Politics in the Near Term // Oxford Review of Economic Policy, vol. 34, no 3, pp.393-417. https://doi.org/101093/oxrep/gry004
43. Lyon D. (2017) Digital Citizenship and Surveillance| Surveillance Culture: Engagement, Exposure, and Ethics in Digital Modernity // International Journal of Communication, no 11, pp. 824-842 // https://ijoc.org/index.php/ijoc/articleview/5527, дата обращения 12.12.2019.
44. Maireder A., Weeks B.E., Gil de Zúñiga H., Schlögl S. (2017) Big Data and Political Social Networks: Introducing Audience Diversity and Communication Connector Bridging Measures in Social Network Theory // Social Science Computer Review, vol. 35, no 1, pp. 126-141. https://doi.org/101177/0894439315617262
45. Negroponte N. (1995) Being Digital, New York: Knopf.
46. Report on the Investigation into Russian Interference in the 2016 Presidential Election (2019) // U.S. Department of Justice, Washington D.C. // https://www.justice.gov/storage/report.pdf, дата обращения 12.12.2019.
47. Schill D., Hendricks J.A. (eds.) (2018) The Presidency and Social Media: Discourse, Disruption, and Digital Democracy in the 2016 Presidential Election, New York: Routledge.
48. Schwab K. (2016) The Fourth Industrial Revolution, Geneva: World Economic Forum.
49. Solove D.J. (2006) The Digital Person: Technology and Privacy in the Information Age, New York: NYU Press.
50. Taleb N. (2018) Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life, New York: Random House.
51. Thatcher J., O'Sullivan D , Mahmoudi D. (2016) Data Colonialism through Accumulation by Dispossession: New Metaphors for Daily Data // Environment and Planning D: Society and Space, vol. 34, no 6, pp. 990-1006. https://doi.org/10.1177/0263775816633195